

ДЕТЕКТИВНЫЙ КЛУБ

**ЧАЙ, КОФЕ
И УБИЙСТВА**

АГАТА
КРИСТИ

Дороти Л. СЭЙЕРС
Марджери АЛЛИНГЕМ
и другие...

ШЕСТЕРО
ПРОТИВ СКОТЛЕНД-ЯРДА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Ш51

Серия «Чай, кофе и убийства»

The Detection Club
SIX AGAINST THE YARD

Перевод с английского *И. Моничева*

Серийное оформление и компьютерный дизайн
В. Воронина

Печатается с разрешения литературных агентств
David Higham Associates и The Van Lear Agency LLC.

Ш51   **Шестеро** против Скотленд-Ярда : [сборник] /
Детективный клуб ; [пер. с англ. И. Моничева]. —
Москва : Издательство АСТ, 2016. — 352 с. — (Чай,
кофе и убийства).

ISBN 978-5-17-098821-1

Реально ли совершить идеальное убийство? Может ли преступник действовать настолько осторожно, с таким мастерством, что разоблачить его не сумеет даже самый пронырливый полицейский?

Члены Детективного клуба Марджери Аллингем, Рональд Нокс, Энтони Беркли, Рассел Торндайк, Дороти Л. Сэйерс, Фриман Уиллс Крофтс написали для этого сборника по детективному рассказу, предлагая инспектору Скотленд-Ярда разобрать изложенное дело.

Сумели ли члены Детективного клуба совершить идеальное убийство? Или же инспектор нашел избыточные злоумышленников улики? А если нет, то, быть может, это удастся вам, читатель?

Также в сборник входит эссе Агаты Кристи, предлагающей читателю свою разгадку одного из самых таинственных преступлений XX века — так и не раскрытого дела об отравлениях в Кройдоне.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© The Detection Club, 1936
© Перевод. И. Моничев, 2016
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016
ISBN 978-5-17-098821-1

Блаженно нежась в ванне, человек, задумавший эту уникальную книгу, замышлял убийство. Существовала некая персона, смерти которой он хотел, и до него вдруг дошло, что каждый из нас, даже самый истовый христианин, знает кого-то, кому желал бы столь же печальной участи.

И в результате родилась мысль издать сборник, написанный блестящей группой (или лучше назвать их бандой?) авторов, который вы сейчас держите в руках. Мы связались с каждым из них, предложив изложить на бумаге приходившую им когда-либо в голову идею убийства, которое они посчитали бы идеальным по исполнению и остающееся безнаказанным. Авторы откликнулись на предложение с энтузиазмом, создав по короткому рассказу с точным описанием подготовки и осуществления ими предполагаемого убийства. Испытывая творческое вдохновение, они в процессе работы довели свои планы до совершенства, заманили своих жертв в ловушки, лишили их жизни, а потом тщательно замели за собой следы.

Но оказались ли их планы настолько блестящими и не поддававшимися раскрытию, как им мнилось? Не совершили ли они, подобно многим реальным преступникам, самые на первый взгляд незначительные ошибки, которые приводят

к разоблачению? Уверена ли, например, Дороти Л. Сэйерс, что ей не грозит приговор: «Смерть через повешение»? Полагает ли Рональд Нокс, что жюри присяжных оправдает его, если он окажется на скамье подсудимых? Готов ли Энтони Беркли к суровому перекрестному допросу в полиции?

И здесь свое слово призван сказать отставной старший инспектор управления уголовного розыска Скотленд-Ярда Корниш, имеющий огромный опыт раскрытия подлинных убийств. После завершения каждого рассказа мистер Корниш разбирает изложенное дело с точки зрения сыщика. Он как бы посещает место преступления и, располагая фактами, почерпнутыми из рассказа, начинает поиски промашек, допущенных Марджери Аллингем или Расселом Торндайком, которые дали бы ему основание потребовать их немедленного ареста. Добился ли он в этом успеха? Нашел ли изобличающие злоумышленников улики? А если нет, то, быть может, это удастся вам, читатель?

Марджери Аллингем
ОН СДЕЛАЛ ЕЕ НЕСЧАСТНОЙ

Это признание и покаяние. Я хочу рассказать всю правду и объяснить причины случившегося.

Прежде всего, меня зовут вовсе не Марджери Аллингем. Урожденная Маргарет Хокинз, попав на подмостки сцены, я взяла себя псевдоним Полли Оливер. Не думаю, что вы — нынешнее поколение — слышали это имя, зато его вполне могут помнить ваши отцы. Впрочем, не знаю... Не стоит изображать знаменитость.

В молодости я была умна и хороша собой, но так и не стала одной из тех, кого называют звездами или примадоннами, в отличие от Луизы. Только ради нее я решилась на признание содеянного. Тот светленький мальчик, который, стоило ему сдернуть с головы шлем, выглядел слишком юным, чтобы служить в полиции, ни в чем меня не подозревал. Как и вообще никто, включая даже судебно-медицинского эксперта, а уж он был самый проникательный старикан, каких я только встречала на своем веку.

Любой бы признал, что мне все сошло с рук, но я тем не менее хочу поведать свою историю ради Луизы. В конце концов, именно из-за нее это произошло. Если бы не она — моя несчастная старая подруга, — я уж точно не заставила бы себя вытянуть руки и...

Но всему свое время.

Мы с Луизой дружили по-настоящему, не то что нынешние девицы, которые так и лезут на сцену. Не могу сказать о них ничего дурного, но это совсем не те молодые женщины, какими были мы когда-то. Они все кажутся мне как на подбор невзрачными пустышками, когда появляются в моем доме и уходят из него. Даже внешне не напоминают актрис. Вот чего нельзя было сказать о нас с Луизой! В старые добрые времена — примерно тридцать или сорок лет назад — вы за милую видели, что мы принадлежали к этой славной профессии в своих белых туфельках, разодетые в пух и перья, с вереницей молодых людей, увивавшихся за нами.

Мы познакомились в кабаре. Я работала в масковке, ей же досталась небольшая роль. Ничего особенного, но она выходила на авансцену перед всеми и произносила только одну фразу: «А вот и мы, мальчишки!» Я все отчетливо помню. Как сейчас, вижу ее изящную фигурку в корсете, блески на бедрах, яркие золотистые кудряшки, то взлетающие вверх, то опадавшие на плечи в такт каждому движению. Они всегда были естественными — не чета моим, чего уж греха таить!

В ней неизменно ощущалась внутренняя энергия. «Задорная», — говорили о ней мы. «Заводная», — сказали бы вы сейчас. Это и принесло ей огромную популярность. Вы все знали Луизу Лестер еще с колыбели, слышали, как ваши отцы обсуждали ее достоинства, а большинство из вас видели Луизу сами. Она играла во многих в мюзик-холлах 1900 годов и оставалась королевой даже в 1918 году, по крайней мере на севере страны.

Я же помню, когда она в самые ранние деньки только делала себе имя. «Дедушка взялся за ста-

рое», «Иона любит девушек в розовом», «Забудь обо всем и целуй меня снова» — все эти песни написал для нее Лорн, и именно за него Луизе следовало бы выйти замуж. Вы тоже не смогли бы забыть ее выступлений. Сначала оркестр играл легкую увертюру. Поднимался красный занавес, открывая декорацию «Площадь перед мэрией». Там обязательно стояли роуль, пальмы в кадках, и Лорн непременно сидел за инструментом в те давние времена. Зал заранее неистово аплодировал. А затем в арке по центру сцены откидывался серебристый полог и появлялась она во всей красе — шелковые чулки, ворох нижних юбок, белая кожа и глаза... Глаза такой голубизны, что все сапфиры, какие ей преподносил Джоркинз, выглядели простыми стекляшками. Ярко сиявшие глаза излучали такие мощные волны жизненной силы, какие не способна была бы выработать ни одна динамо-машина на полных оборотах.

Злые языки утверждали, что она никогда не обладала хорошим голосом, но он у нее был. Мелодичный и звонкий, он буквально заполнял собой весь зал. Да, она не брала особенно высоких нот, но с пением справлялась превосходно. И никогда не уставала. Ее могли вызывать на бис снова и снова, и она выдавала им соло, заставляла публику подпевать себе, как учительница музыки в начальной школе.

Зрители любили ее, а она отвечала взаимностью. Каждый ее выход превращался в любовное свидание.

Я лишь в общих чертах описала ее вам, поскольку не считаю, что необходим детальный портрет. Вероятно, вы могли запомнить Луизу в те годы, когда она была более величавой и громогласной, хотя и позже не потеряла силы духа.

Быть может, мне стоит поделиться с вами тем, какой я видела ее, что думала о ней.

Высокая, светловолосая, с голубыми глазами и крупным ртом, с полноватой, но грациозной фигурой, очень человечная, источавшая радость и положительные эмоции. Лично я считаю, что в этом и состояло ее очарование. Общаясь с нею, вы ощущали, что она вас любит. Каждый чувствовал это — таксисты, продавцы в магазинах, оркестранты, как и весь зрительный зал. Любой из слушателей считал, что ее улыбка адресовалась именно ему, и каждый из зрителей сидел на своем месте и вдруг начинал гордиться собой. Ну, вы меня понимаете: словно улыбка предназначалась персонально вам, и это выглядело искренне, потому что Луиза в самом деле любила публику. Благодаря своему таланту она стала звездой и долго удерживалась в зените славы и популярности.

Я рассказываю вам об этом, потому что хочу объяснить, почему совершила свой поступок и где допустила ужасающую, непростительную ошибку.

Луиза познакомилась с ним, находясь на самой вершине своей карьеры. Ее окружали тысячи мужчин, за которых она могла бы выйти замуж, людей, способных многое дать ей в жизни. И, разумеется, всегда под рукой был Лорн, если ей самой хотелось о ком-то заботиться. Он жизнь отдал бы за нее — так оно в результате и вышло, стоит только задуматься. Она не подозревала, что он болен чахоткой, а тот театральный зал в... Хотя зал уже снесли, а кто старое помянет, тому глаз вон... Не стану называть города, чтобы не бередить былых ран. Только местный театр оказался для Лорна смертельной ловушкой, так как был зловеще нездоровым местом для всех, кто в нем выступал.

Но суть дела все же не в том театре. Как я уже упомянула, она могла выйти замуж за кого угодно, но выбрала Фрэнка. Не помню даже, откуда он взялся. По-моему, играл в оркестре из какого-то захолустья, затрапезного и грязного, название которого действительно стерлось в памяти. Я все еще работала в кабаре, но лишь смогла вырваться из безмянных статисток. Помню только, как она впервые привела его ко мне в гримерную и сказала: «Это Фрэнк Спрингер. Мы собираемся пожениться». Мне казалось, что Луиза сейчас же лукаво подмигнет мне, но она не сделала ничего подобного.

Я его невзлюбила сразу же, а ведь тогда ее деньги еще не успели ударить ему в голову. Он выглядел вульгарным недомерком с такой толстой задницей, что оставалось удивляться, как он ухитрился удерживать равновесие. Но зато — речистый малый, язык его был подвешен как надо, стоит отдать ему должное. Мало кто умел так увлечь разговором совершенно незнакомых людей. Впрочем, послушав его первые полчаса, вы думали, что он умен и образован, зато все остальное время превращалось в сплошное разочарование.

А Луиза даже с годами не научилась видеть его недостатки. Казалось невероятным, что она не понимала сути его натуры. Меня же он раздражал тогда, и я по-прежнему прихожу в бешенство, стоит подумать о нем. Всем остальным обитателям нашего благословенного мира Фрэнк Спрингер представлялся раздутым, напыщенным, фальшивым мыльным пузырем. У этого типа развился такой, как сейчас модно говорить, комплекс неполноценности, что он всю жизнь потратил на борьбу с ним, стремясь хотя бы в собственных глазах вы-

глядеть важной персоной, и чем яснее он понимал свои слабости, безнадежную бездарность и полную никчемность, тем более раздражающе глупыми становились его лживые истории.

Я оказалась сыта им по горло в первый же вечер и, когда мы остались с Луизой одни, принялась жестоко высмеивать его. Но именно тогда впервые увидела ее, мягко говоря, странную реакцию.

Нет, она не обозлилась на меня. Но на ее лице появилось выражение отчуждения и упрямства. Я не в состоянии описать его более точно, не буду даже пытаться. Но мне так и не удалось понять этого. Он стал единственным человеком, в разговорах о котором мы никогда не были до конца откровенны. А ведь она была всегда откровенна с подругой, давно и хорошо ей знакомой, с кем вместе работала не первый год.

— Ты же не всерьез собралась за него замуж, Утеноч? — спросила я, не выдержав. Мне потребовалось некоторое время, чтобы выйти из удивленного оцепенения.

— А разве он тебе не понравился?

Она всего лишь задала мне вопрос, но в нем звучала немая мольба. У Луизы всегда была эта удивительная способность произносить обычные слова, которые невольно заставляли тебя почувствовать, насколько они важны для подруги.

— В некотором смысле понравился, — осторожно ответила я, не желая задеть ее чувств. — Но ты же не выйдешь за него замуж? Он хотя бы богат?

— У него ни гроша за душой, — заявила она вполне довольным и совершенно небрежным тоном.

Я была тогда очень молодой и еще не накопила необходимого жизненного опыта, а потому выложила ей все, что думала по этому поводу.

Она накричала на меня, а утром, когда я захотела с Луизой увидеться, велела прислуге сказать, что хозяйки нет дома. Так мы впервые с ней поссорились. В следующий раз мы встретились только через продолжительное время. Это случилось как раз после ее сногшибательного успеха в Оксфорде, где она блистала в шоу «Когда папа приносит домой цветы вместе с молоком». Мы выпили вместе, и Луиза сообщила мне о своем замужестве.

Я выразила сожаление о том, что наговорила в прошлый раз о Фрэнке: в конце концов, если мужчина женится на твоей подруге, он уже становится значимой фигурой. Луиза снова заметно потеплела ко мне, и я почувствовала, что все сложилось не так плохо, как ожидалось. У меня не было тогда работы. Я пришла на ее второе представление, а потом встретилась с ним в ее гримерной.

Фрэнк был омерзителен.

Даже намного позже, когда он состарился, а я уже знала его как облупленного, мне никогда не доводилось испытывать к нему такого отвращения, как при первой встрече после их свадьбы. Фрэнк считал ее успех свой заслугой, отзывался о ней так, словно он сумел создать талантливую актрису из ничего, хвастливо демонстрировал перстень с крупным бриллиантом и продолжал раздуваться от самомнения, пока не довел всех присутствовавших до тошноты. А ведь в комнате собралась целая толпа из ее старых и нескольких новых друзей, большинство из которых были весьма интеллигентными людьми. Они проявляли доброту к нему

только ради Луизы, но он принимал все за чистую монету, за подлинное отношение к себе самому, и хотя вечеринка получилась достаточно веселой, я впервые увидела Луизу в том положении, из которого она не смогла потом выбраться.

Трудно описать, но это было вежливое сострадание со стороны окружающих. Словно у Луизы вырос горб или она лишилась ноги, а каждый из собравшихся слишком любил ее и потому делал вид, будто ничего не замечает.

Лорн сидел, забившись в угол. Болезнь к тому времени совершенно подкосила его, но мы ни о чем не догадывались. Фрэнк вел себя с ним грубо, имея наглость критиковать за исполнение им на рояле песен собственного сочинения. Но Лорн не отвечал на дерзости. Он просто сидел, чуть заметно дрожал и попивал шампанское из бокала, который кто-то сунул ему в руку.

Лорн выглядел таким несчастным, что я подошла и села рядом. А позже Луиза заявила, что ее пригласили ужинать в дом какой-то местной знаменитости, куда Фрэнк, конечно же, пригласил себя сам, пообещав, что жена непременно будет там петь, а он аккомпанировать.

Мы с Лорном тихо удалились и отправились в ресторан Сэма Исаака — не знаю, существует ли он до сих пор, где заказали рыбу и крепкое темное пиво. Причем мне пришлось потрудиться, чтобы заставить Лорна поесть. Он сидел напротив и продолжал дрожать. Поначалу никто из нас не упоминал о Луизе. Я знала: Лорн считался влюбленным в нее, но кто тогда не был таким? Любой встреченный Луизой мужчина почти сразу чувствовал на себе ее чары, и мне казалось, что

Лорн едва ли знает мою подругу лучше, чем все остальные.

Он сидел и играл вилкой на тарелке с едой, то и дело перекладывая ее и глядя так, словно не понимал, что перед ним.

— Как он тебе показался? — спросила я, исчерпав все остальные темы для разговора, который так и не клеился.

Он отложил вилку и пристально посмотрел на меня. Теперь, когда мне уже приходилось видеть неизбежную смерть в глазах человека, я стала понимать, что шокировало меня выражение его лица и восклицание:

— О боже, Полли! Да смилостивится над ней Господь!

— Лучше поешь как следует! — чуть не рывкнула я на него, поскольку он напугал и смутил меня своей реакцией. — Помяни мое слово, дружище, не за горами то время, когда вполне респектабельная женщина сможет так же легко разводиться, как и выходить замуж. Она устанет от него, соберет вещички и сбежит.

Он бросил на меня очень серьезный взгляд.

— Ты и в самом деле так думаешь? Если да, то ты еще более безнадежная маленькая дурочка, чем я полагал прежде.

— А разве ты сам думаешь иначе? — спросила я.

Мы с ним никогда не были способны обижаться друг на друга.

— Да, иначе. — Он сказал это так тихо и грустно, что я изумленно уставилась на него.

Я до сих пор часто вижу перед собой бледное лицо, крупный нос с высокой переносицей, придававший его чертам траурный вид, и сумасшедший блеск в глазах.